

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (367) : 929.5 «15»

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТЕТКИ СЕМЕНА ГОРДОГО КНЯГИНИ АННЫ

С. Н. Абуков

Донецкий национальный университет
E-mail: legusha@list.ru

Статья посвящена спорному вопросу происхождения тетки Семена Гордого княгини Анны, упоминаемой в двух документах XIV в. Автор рассматривает наиболее вероятные варианты ее генеалогии и возможное время вступления в брак. Предполагается, что княгиня, скорее, – дочь князя Даниила Московского, чем жена, одного из его сыновей. Сам ее брак связан с князьями Рязанской династии. Ее супругом мог быть князь Иван Коротопол. После смерти мужа бездетная княгиня в 40-е гг. XIV в. отказала свои владения московскому племяннику Семену Ивановичу. Сама генеалогическая проблема родства представляется важной в изучении ранней истории Московского княжества и сложной для исследователя из-за ограниченного и неполного комплекса наших источников.

Ключевые слова: княгиня Анна, Семен Гордый, Москва, Рязань, брак, владение, князь.

On the Origin of Semyon the Proud's Aunt Princess Anne

S. N. Abukov

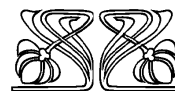
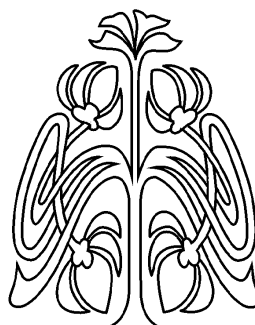
The article is devoted to the disputable issue of the origin of Semyon the Proud's Aunt Princess Anne, who is mentioned in the XIV century documents. The author considers the most likely opinions of her genealogy and possible time of marriage. It is supposed that the Princess had rather been the daughter of Prince Daniel of Moscow, than the wife of one of his sons. Her marriage is connected with the Ryazan' dynasty. Her husband could be Prince Ivan Korotopol. After her husband's death, the childless princess had given her possessions to his Moscow nephew Semyon in the 1440s. This genealogical problem itself is important for studying the early Principality of Moscow and rather difficult for researchers because of the limited and incomplete set of our sources.

Key words: Princess Anne, Semyon the Proud, Moscow, Ryazan', marriage, possession, prince.

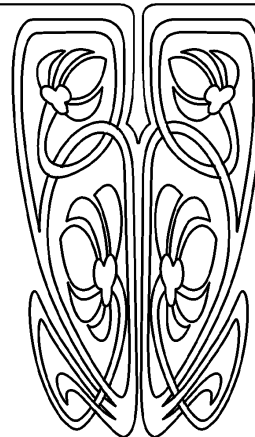
DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-5-11

Генеалогические связи первых двух поколений московских князей известны крайне плохо. Собственно, кроме двух браков Юрия Даниловича у нас нет никаких иных данных. Имеющиеся источники настолько скудны, что не позволяют даже выдвигать серьезные гипотезы. Летописцы обошли семью Даниила Александровича своим вниманием. Это неудивительно: никто не мог предполагать в конце XIII – начале XIV в., что именно эта линия владими́ро-суздальских князей станет самой могущественной. К сожалению, и духовные грамоты Ивана Калиты и его сыновей весьма мало дают информации о возможных браках и родственных связях первых московских князей. Ни летописи, ни сам Калита в своих духовных грамотах ничего не сообщает о своих родителях, женах, сестрах и браках. Большой генеалогический вопрос следующего поколения – происхождение матери Дмитрия Донского княгини Александры. Историки находятся в страшном затруднении, вынужденные строить догадки на довольно зыбкой почве.

А вопрос важен для понимания одной из ключевых проблем русской истории – причин возвышения Москвы. Начальный этап этого процесса приходится на время правления Даниила Александровича и его сыновей Юрия и Ивана Калиты. Весьма вероятно, что их активная политическая и военная деятельность в отношении других русских кня-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

жеств находилась в тесной связи с их родственными связями, как это мы знаем по периоду второй половины XIV–XV вв., куда лучше освещенному источниками. Значит ли, что мы должны отказаться от попыток решения этой, без преувеличения, загадки? Думается, что нет.

Одной из таких генеалогических проблем в ранней истории Московской династии следует считать упомянутую в двух грамотах Семена Гордого его тетку княгиню Анну. Переходя к перечислению своих владений, этот московский князь в духовной грамоте пишет: «Заячковь, что мя бл(а)г(о)с(ло)вила тетка моя, княгини Анна, и Гордошевичи...»¹ Отметим, что в историографии есть только два варианта ее происхождения. Анна – жена Афанасия Даниловича, предположил М. Д. Хмыров². В ней также видят не только его вдову, но и жену в первом браке князя Святослава (М. К. Любавский)³. К. А. Аверьянов назвал даже гипотетического отца княгини-вдовы двух мужей – гипотетического же белозерского князя Василия Глебовича⁴. Второй вариант: Анна – сестра Калиты, вышедшая замуж за одного из рязанских князей (В. А. Кучкин)⁵.

Так, кто же такая княгиня Анна? Попробуем определить вначале факты, которые более-менее ясны. Итак, она – тетка Гордого. Очевидно, что она была перед смертью вдовой. Причем вдовой без наследников, иначе ей не было без повода завещать владения великому князю московскому мимо своих сыновей. Она умерла после 1339 г., так как о ее землях ничего не говорится в завещании Калиты, и до договорной грамоты между его сыновьями Семеном, Иваном и Андреем, по датировке которой существует разброс мнений, но нет сомнения, что она относится к концу 1340 – началу 50-х гг.⁶ Скорее, Семен Иванович стал наследником тетки в 40-е гг. XIV в. Ее владения, переданные Гордому, были важными и значительными, так как о них же он упоминает еще раз и в духовной грамоте⁷. В договоре с братьями, несмотря на дефект текста в этом месте, великий князь ревностно оговаривает свое владетельное право на земли княгини Анны⁸. Действительно, формально все племянники Ивановичи имели права на ее наследство, но старший брат, опираясь на «благословение» родственницы, взял их себе⁹. Такие «дарения» становились предметом конфликтов между родственниками, которые не хотели от них отказываться¹⁰.

Итак, всего теоретически существует не два, а три объяснения ее родства с Калитовичами: 1) сестра матери Гордого княгини Елены, также вышедшей замуж за одного из князей; 2) жена одного из братьев Калиты: Юрия, Бориса или Афанасия; 3) это дочь Даниила Александровича, вышедшая замуж за одного из князей.

Первое предположение едва ли возможно. Трудно представить, чтобы княгиня, не принадлежащая к правящей семье Даниила, свояченица Калиты, состояла в браке с одним из местных

князей и также имела владения на территории Московского княжества.

Что касается второй версии, то она нуждается в детальном рассмотрении. Ключевым вопросом для общего ответа на вопрос является проблема локализации владения княгини Анны. Как установил В. А. Кучкин, ее земли (текст грамоты, как отмечалось, дефектен) концентрировались на юге, что, видимо, связано с Рязанским княжеством¹¹. Историк, как отмечалось, считал ее рязанской княгиней, дочерью Даниила Александровича. А. В. Кузьмин отметил, что в синодальном списке рязанских княгинь упоминаются четыре Анны¹². Это важное указание дает некую нить, за которую можно попытаться потянуть. Однако Кучкин не высказал предположений о предполагаемом супруге княгини, ни о возможном времени заключения брака. Попробуем высказать свою версию этого возможного родства, оттолкнувшись от обратного, то есть начать с обстоятельств гипотетического брака.

По нашему мнению, политические интересы правителей Московского княжества в конце XIII – начале XIV в. не выходили за пределы Северной Руси. Это определяло и браки первых московских князей, которые в особенной степени касались Владимиро-Суздальской, Смоленской, Рязанской земель и Верховских княжеств. В этом контексте необходимо рассматривать и историю непростых и малоизвестных рязанско-московских отношений в первой четверти XIV в. Летописи сообщают о двух бесспорных конфликтах 1301 и 1320 гг. и неясной по характеру поездке Юрия Даниловича в Рязань в 1307 г.¹³ Все эти известия, особенно два последних, очень кратки. Самое велеречивое первое известие, дополненное поздним Никоновским сводом, сообщившим некоторые подробности московского одоления и пленения рязанского князя Константина Романовича¹⁴.

Из этих трех сообщений особое внимание в контексте темы, на наш взгляд, заслуживает известие 1320 г. В Новгородской Первой летописи младшего извода сказано: «Ходи князь Юрьи ратью с братомъ Иваномъ на Рязань на князя Ивана Ростиславьского, и докончаша миръ»¹⁵. Но в той же летописи старшего извода то же событие записано немного иначе: «Ходи князь Юрьи ратью на Рязань на князя Ивана Рязаньского, и докончаша миръ»¹⁶. Не трудно представить, что в обоих случаях речь идет об одном рязанском князе Иване Ярославиче, племяннике убитого в московском плену Константина.

Мир 1320 г. венчал не просто очередной военный поход, а подвел некую черту под многолетним конфликтом, причиной которого были территориальные споры, в первую очередь, как представляется, вопрос о Коломне¹⁷. Юрий Данилович тогда уже выступал с позиций главы всей Владимирской Руси. Как видно, в отношениях с Рязанью и Тверью московский князь поспешил воспользоваться своим новым статусом великого

князя владимирского. Весьма вероятно, что завершение давнего конфликта был подкреплено браком между членами двух княжеских семей. В такой практике XIV в. не было ничего необычного. Более того, имеется немало тому примеров¹⁸. И в самих московско-рязанских отношениях есть иной мирный договор 1386 г. между Дмитрием Донским и Олегом Рязанским, позднее скрепленный браком их детей¹⁹. Так как в 1320 г. сторонами мирного докончания выступили московский князь Юрий Данилович и рязанский князь Иван Ярославич, то, вероятно, что именно их ближайшая родня тогда или несколько позже вступила в этот гипотетический родственный союз, соответствующий высокому статусу сторон. Напомним, что в том же году Юрий Данилович выдал свою дочь за клинско-тверского князя Константина Михайловича²⁰.

О рязанских князьях известно очень мало, как и вообще о политической истории Рязанской земли конца XIII – первой половины XIV в. Вопросы генеалогии и порядка замещения рязанского стола в первой половине XIV в. проблемны и известны только в общих чертах, а вопрос о точном происхождении упомянутого Олега Ивановича Рязанского, несмотря на собственную жалованную грамоту Ольгову монастырю и очевидные усилия генеалогов, остается не до конца проясненным, как и генеалогия рязанских и пронских князей середины XIV в.²¹ Пронские князья Иван и его брат Михаил Ярославичи, видимо, выступили противниками дяди рязанского князя Константина Романовича еще в 1299 г. Об их усобице имеется скудный, но весьма часто цитируемый летописный обрывок²². Очень вероятно, что рязанский поход Даниила Московского осенью 1300/1301 г. стал вмешательством во внутрирязанский конфликт на стороне пронских князей²³.

Возможно, московский князь имел какие-то родственные причины для участия в войне. После пленения Константина не вполне ясно, кто занимал рязанский стол, но в 1320 г. это определенно был Иван Ярославич²⁴. Судя по предыдущей 20-летней политической деятельности, к этому году это был уже зрелый мужчина. Мы не знаем, был ли он женат или вдов. У него известен из источников только один сын – Иван Коротопол²⁵.

Что касается Юрия Московского, то после смерти двух жен: не известной по имени и дате смерти ростовской княжне и сестре хана Узбека Агафье-Кончаке, скоропостижно умершей в 1317 г. в Твери, Юрий был вдовец и не имел сыновей. К 1320 г. ему едва ли было больше 40 лет²⁶. Такое положение было неестественно и ущемляло его статус по династическим, владельческим, традиционным и религиозным представлениям. Логично и естественно, что он, добившись великого княжения владимирского, на вершине успеха не попытался-таки жениться и оставить сына. Заключение третьего брака, хотя и требовало церковного разрешения, но не было непреодолимым

препятствием, о чем говорит весьма активная и неканоническая брачная жизнь его племянника Семена Гордого, женатого трижды²⁷. Но была ли княгиня Анна вдовой Юрия, обладательницей значительной земельной собственности, перешедшей затем к Гордому?

Увы, ни летописи, ни родословные нигде не обмолвились о том, что Юрий мог быть женат снова. Ни в Москве, ни во Владимире, ни в Новгороде не видно, чтобы Юрий состоял в браке. На его погребении в 1326 г. присутствует только брат Иван и церковные иерархи²⁸. Впрочем, летописцы в подобных случаях женщин пропускали. Можно предположить умышленное замалчивание источниками существования третьей жены Юрия Даниловича или каких-то иных причин, но тогда придется пуститься в объяснения, зачем это было сделано. При всей логичности такой версии, нет ни одного ее подтверждения.

Из других дядей Семена Гордого к 1320 г. были живы нижегородский князь Борис и новгородский наместник брата Афанасий. Но Борис Данилович умер бездетным 30 мая 1320 г.²⁹ Поэтому его кандидатура в гипотетические мужья Анны – под еще большим сомнением. Что касается Афанасия, то этот младший Данилович впервые упоминается в 1314 г. и выступает верным союзником старшего брата Юрия³⁰. Вероятно, он родился в конце правления своего отца³¹. В. Н. Татищев именует его можайским князем³². Он умер в Новгороде в 1322 г., а его останки в церкви Спаса на Нередице уже в наши дни стали находкой археологов³³. Как отмечалось, ему приписывают супругу по имени Анна. Однако нет прямых указаний, что упоминаемая в новгородских летописях якобы в 20-е гг. XIV в. княгиня с таким именем – его вдова и одновременно вдова можайского князя Святослава Глебовича³⁴. Вообще трудно найти примеры повторных браков княгинь в этот период. Обычно после смерти супругов их вдовы ставили крест на семейной жизни. Не могла быть Анна вдовой двух указанных князей и чисто физически, так как, скорее всего, годилась Афанасию в матери³⁵. Едва ли верно считать всех князей, например, Михайлов, как и всех княгинь Анн, упоминаемых в первой половине XIV в., одним лицом. У его старшего брата Юрия, бывшего с 1322 по 1325 г. новгородским князем, было не меньше шансов оставить вдову Анну, связанную с местной элитой.

Но наиболее логично следовать буквальному указанию степени родства в договорной и в духовной грамотах Гордого. В таком случае княгиня – родная тетка, а не жена дяди. Обычно в княжеских грамотах женщины записаны по мужу или отцу, без определения статуса и боковой степени родства³⁶. Похоже, Анна – сестра московских Даниловичей, как и считал Кучкин. Проблема в том, что летописи и родословные не оставили нам упоминания о дочерях первого московского князя. При этом из летописей известны 5 сыно-

вей Даниила Александровича и еще два (Семен и Андрей) только из родословных³⁷. Любопытно, что имя Семена Даниловича чаще встречается в родословных, чем его брата Андрея³⁸. Он же упоминается в синодике Успенского Московского собора, что необычайно повышает историчность этого князя, видимо, рано умершего³⁹.

При этом ни один из источников не сообщает о дочерях Даниила. Андроцентричность русских средневековых источников часто оставляет в тени княгинь и княжон. Однако очень вероятно, что у первого московского князя были дочери, и дочери замужние. Историки пытались найти их, называя зятьями Даниила пронского князя Ярослава Романовича (Баумгартен)⁴⁰ и даже литовского князя Наримунта Гедиминовича (Пузына)⁴¹. Однако, по нашему мнению, нет никаких оснований предполагать брак с Гедиминовичами в этот ранний период. Мы абсолютно не видим литовско-московских связей в конце XIII – начале XIV в., кроме отражения набега литовцев на владения тверского епископа в 1285 г.⁴² Дело в том, что практика брачных союзов владимиро-суздальских князей с литовцами тогда еще не сложилась, и кроме дочери великого князя Дмитрия Александровича Переяславского, выдавшего дочь за «орусевшего» псковского князя Довмонта и Дмитрия Михайловича Тверского, у нас нет в этот период других примеров⁴³. Более того, не следует забывать, что на дочери Гедимины в 1333 г. был женат внук Даниила Семен Гордый⁴⁴. Вероятным представляется, что в родстве с правящей московской династией находились ржевский князь Федор, которого Н. М. Карамзин прямо называет родственником Юрия Даниловича и стародубский князь Ярослав (пропущенный родословными)⁴⁵. В источниках нельзя не увидеть их тесной связи с Москвой. Кто-то из них мог быть зятем Даниила или шурином (племянником жены).

Вопрос о рязанско-московских родственных связях в начале XIV в. очень возможен. Однако это точно не жена Ярослава Романовича Феодора, которая, как предполагаемая дочь Даниила, по возрасту никак не могла быть матерью Ярославичей, воевавших с дядей Константином уже в 1299 г., когда их мнимому деду Даниилу Московскому было от роду 37 лет⁴⁶. Ярослав Романович, умерший в 1294 г., принадлежал к старшему поколению. В таком случае, скорее, Даниил мог быть женат на его дочери, но это только в теории. А. А. Горский предложил в зятя Даниилу пронского князя Александра Михайловича⁴⁷. Возможно, что это и так, но есть большое возражение. Дело в том, что у Александра Михайловича были сыновья⁴⁸. В таком случае княгине Анне не было никакого смысла завещать свои владения племяннику вместо своих собственных наследников. Только бездетные княгини отдавали свои владения близким родственникам, в том числе владения, расположенные в княжествах умерших мужей⁴⁹.

Думается, что генеалогическая связь Москвы и Рязани была несколько иной. Напомним, что с 1300 по 1320 г. было временем напряженных московско-рязанских отношений, где были не только войны, но и убийство Юрием Даниловичем пленного рязанского князя Константина Романовича⁵⁰. Тогда на дочери Даниила, рожденной незадолго до его смерти, мог быть женат Иван Ярославич, который, как отмечалось, и выступил стороной договора 1320 г. Он был убит в 1327 г. татарами то ли в Орде, то ли на Руси во время Федорчуковой рати⁵¹.

Но по возрасту Иван Ярославич едва подходил на роль жениха. К тому же Баумгартен называл его жену Василисой⁵². Не мог быть зятем Даниила и его брат Михаил Ярославич, жену которого звали Евдокией (Авдотьей)⁵³. Скорее, речь идет о сыне Ивана Ярославича Иване Коротополе, убитом после усобицы с родственниками при вмешательстве татар в 1343 г.⁵⁴ В конфликте Москвы с Новгородом 1333 г. безымянные рязанские князья (несомненно, Коротопол как старший) поддерживали Ивана Калиту. Невиданная промосковская политика Рязани удивила А. В. Экземплярского, назвавшего такие отношения зависимыми и вытекающими из договора 1320 г.⁵⁵ Еще ранее «подручное» положение рязанских князей по мирному соглашению между Юрием Даниловичем и Иваном Ярославичем отметил Д. И. Иловайский⁵⁶. О «неких вассальных отношениях» Рязани в эти годы говорит в новом диссертационном исследовании С. А. Петров⁵⁷. В контексте похода 1339/1340 г. татарской рати на Смоленск упоминается и Иван Коротопол⁵⁸. Трудно сказать, следовали ли такие отношения сторон именно из договора 1320 г. Похоже, в 20-е гг. XIV в. был заключен еще один договор между Москвой и Рязанью. Любопытно, что в последующих «докончаниях» между сторонами нет отсылок к миру 1320 г., а только ко времени Ивана Ярославича и Ивана Калиты, хотя их одновременное правление относится только к 1325–1327 гг. Более того, во всех договорах XIV–XV вв. речь идет именно о «владимирском порубежье», хотя Калита стал великим князем владимирским уже после смерти Ивана Ярославича⁵⁹.

Учитывая конфликты внутри семьи рязанских князей, после убийства мужа Коротопола, бездетная (если мы согласимся с тем, что Олег Рязанский не забыл отчество своего родного отца) вдова Ивана Коротопола перед уходом в монастырь или смертью в 40-е гг. XIV в. отказала свои владения сильному племяннику, великому московскому князю, который смог их отстоять от хищных пронских Александровичей, принявших участие в убийстве ее мужа и занявших Рязань. Возможно, поездка к хану Гордого с братьями как раз и касалась, в том числе и новых приращений территории Московского княжества, как считает А. А. Горский⁶⁰. Отсутствие упоминаний о родстве с Коротополом московских князей могло быть связано с одиозной фигурой этого князя-братоу-

бийцы, как и приписка к нему Олега. Сложные рязанско-ордынские отношения в первой половине XIV в. явно диссонировали с московско-ордынскими, и не видно, что предполагаемое нами родство смогло их улучшить.

Таким образом, гипотеза о московско-рязанских династических связях первой половины XIV в. представляется наиболее логичной, если следовать тому немногочисленному комплексу источников, которыми мы располагаем. Иные построения являются умозрительными, не подкрепленными никакими свидетельствами. По нашему мнению, брак между Москвой и Рязанью мог быть заключен около 1320 г. в подкрепление мирного соглашения, завершившего длительный конфликт между сторонами. Княгиня Анна, «тетка» Гордого – вероятно, действительно поздняя дочь Даниила Московского, вышедшая, скорее, за рязанского князя Ивана Коротопола, так как никто из местных князей этого времени едва ли еще мог быть зятем Даниила Александровича. Такое предположение при анализе скудного комплекса источников кажется наиболее верным из всех возможных вариантов при данной локализации ее владений. В противном случае, придется вообще отказаться от данной генеалогической конструкции.

Несмотря на слабость сведений в наших источниках, вопрос о генеалогических связях первых московских князей требует дальнейшего исследования.

Примечания

- 1 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее – ДДГ). М.; Л., 1950. С. 13.
- 2 См.: *Хмыров М. Д.* Алфавитно-справочный перечень удельных русских и членов царского дома Романовых. Первая половина. А – И. СПб., 1871. С. 37.
- 3 См.: *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. М., 1929. С. 56.
- 4 См.: *Аверьянов К. А.* Купли Ивана Калиты : источниковедческие проблемы процесса объединения русских земель XIV в. : дис... д-ра ист. наук : спец. 07.00.09. «Историография, источниковедение и методы исторического исследования». М., 2001. С. 241–247, 257.
- 5 См.: *Кучкин В. А.* Княгиня Анна – тетка Симеона Гордого // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993. С. 9.
- 6 Аргументом в пользу такой датировки является место в документе, где все трое Ивановичей переживают за своих жен и детей (см.: ДДГ. С. 12). Время рождения Дмитрия Донского – октябрь 1350 г. Кроме того, нельзя не увидеть временной близости между договором Ивановичей и духовной Гордого. Кучкин отнес договор к 1348 г. (см.: *Кучкин В. А.* Договор Калитовичей (К датировке древнейших документов Московского великокняжеского архива) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 19–21).
- 7 См.: ДДГ. С. 13.
- 8 Там же. С. 12.
- 9 Иначе не было смысла постоянно вносить этот пункт в документы.
- 10 «Благословение» Переяславлем Даниила Александровича вызвало конфликт московских князей с великими князьями владимирскими. См.: Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 24. М., 2000. С. 106, 107; ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 85–86. Передача удела Семеном Константиновичем Михаилу Александровичу привела к войне в семье тверских князей. См.: ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. М., 1965. Стб. 79, 82, 84, 87.
- 11 См.: *Кучкин В. А.* Княгиня Анна. С. 8, 9; К. А. Аверьянов обращает внимание, что Гордошевичи фигурируют в духовной Дмитрия Донского (1389 г.) в составе можайских волостей. См.: *Аверьянов К. А.* Купли Ивана Калиты. С. 246. Однако там они, как и Веря, Рудь, Гремична, Заберега, названы «отъездными» (ДДГ. С. 34).
- 12 См.: *Кузьмин А. В.* Князья Можайска и судьба их владений в XIII–XIV вв. : из истории Смоленской земли // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4 (18). С. 116.
- 13 См.: ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 196; ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 86; ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 88, 89. Вторая дата, как и само летописное известие о возвращении Юрия из Рязани («Въ лето 6815 князь Юрьи выеха на Москву съ Рязани») (орфография упрощена), не вполне ясна. Ничего не говорится о том, как, когда и почему он туда «въехал», то есть о причинах его пребывания в соседнем княжестве, но военный поход представляется наиболее логичным. В это же время сообщается о том, что Юрий убил пленного рязанского князя Константина Романовича и о приходе Таировой рати (см.: ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 86–87). Трудно не увидеть связи этих событий.
- 14 См.: ПСРЛ. Т. 10. М., 2000. С. 173.
- 15 ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 338. Вероятно, это не описка летописца, а указание на место правления. В летописном списке «А се имена градомъ всемъ Русскимъ, дальнимъ и ближнимъ» в Рязанской земле упоминается город Ростиславль (ПСРЛ. Т. 7. С. 241). Об археологии и истории Ростиславля см.: *Коваль В. Ю.* Ростиславль Рязанский – малый город Древней Руси // Археология Подмосковья : материалы науч. семинара. М., 2004. С. 88–89. Возможность того, что Ростиславль в первой половине XIV в. претендовал на первое место в Рязанской земле, допускал А. Г. Кузьмин. См.: *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины 16 века. М., 1965. С. 198.
- 16 См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 96.
- 17 Как известно, впервые Коломна упоминается в числе московских владений только в духовной Ивана Калиты (см.: ДДГ. С. 9). Судьба Коломны в нач. XIV в. продолжает волновать исследователей. См.: *Аверьянов К. А.* Присоединение Коломны к Московскому княжеству // Коломна и Коломенская земля : история и культура. Коломна, 2009. С. 37–43; *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII – XV в. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 114–190; *Мазуров А. Б.* Эволюция

- Коломны в XIII–XIV веках : от малого города Древней Руси к домену великого князя московского // Русь в XIII в. Древности темного времени. М., 2003. С. 83–91 ; *Цепков А. И.* Время присоединения Коломны к Москве // Славянские хроники. СПб., 1996. С. 179–182.
- 18 См.: ПСРЛ. Т. 24. С. 119–120.
- 19 Там же. Т. 25. М. ; Л., 1949. С. 212–213.
- 20 См.: ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. М., 1965. Стб. 41.
- 21 В научной литературе существует три версии происхождения великого князя рязанского Олега Ивановича. Большинство источников, включая «Бархатную книгу» (код доступа <http://www.genealogia.ru/projects/barhat/6.htm>) числит его сыном Ивана Ивановича Коротопола. Воскресенская летопись под 6851 г. называет Олега сыном Коротопола и напоминает, что сын был советник «безбожному Мамаю», а под 6888 добавляет, что он еще и Тохтамыш «подведе». См.: ПСРЛ. Т. 7. М., 2001. С. 243. При этом сам Олег в жалованной грамоте называется своим отцом Ивана Александровича. См.: *Автократова М. И., Буганов В. И.* Сокровища документов прошлого. М., 1986. С. 125. В приписке Олега к потомству Коротопола А. Е. Пресняков увидел сознательное искажение генеалогии с целью дискредитации этого рязанского князя. См.: *Пресняков А. Е.* Образование великорусского государства. М., 1998. С. 406. Также очевидно, что Иван Иванович и Иван Александрович – разные лица и находились в одном поколении (см.: ДДГ. С. 85). Чтобы объяснить несообразности, вытекающие из московско-рязанских договорных грамот и близкого родства Олега и его зятя Владимира Пронского, придумана умозрительная схема : Олег – сын Ивана Александровича, но внук Ярослава Романовича. См.: *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. М., 1858. С. 313. Дело в том, что генеалогия местной династии и ее представители известны слабо. Само упоминание нескольких рязанских князей в Новгородской Первой Летописи младшего извода под 1333 г. и во Львовской летописи под 1342 г. («и Резанские князи, и Пронские») говорят об этом. См.: ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 345, примеч. 4 ; ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. СПб., 1910. С. 181.
- 22 См.: ПСРЛ. Т. 1. М., 2001. Стб. 485.
- 23 См.: *Экземпларский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. : в 2 т. Т. 2. СПб., 1891. С. 577.
- 24 См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 338. Возможно, после пленения Константина в Рязани правил Михаил Ярославич «рязанский». См.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси (далее – АСЭИ) : в 3 т. Т. 3. М., 1964. С. 339.
- 25 См.: ПСРЛ. Т. 7. С. 243. Что касается полуполюгендарного киевского князя Станислава, изгнанного Гедимином и женатого на дочери Ивана Рязанского Ольге, а затем унаследовавшего его княжество (Там же. Т. 17. СПб., 1907. Стб. 373–374), то, Л. В. Войтович на основании имеющихся источников уверен, что «всі сумніви щодо існування Станіслава безпідставні» («все сомнения в существовании Станислава безосновательны»). См.: *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі : портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 415. Вероятно, в его рязанских связях также есть какое-то историческое зерно.
- 26 Как известно, даты рождения сыновей Даниила Александровича не отражены в источниках, однако трудно не согласиться с В. А. Кучкиным, который отнес его рождение на основании женитьбы в 1297 г. приблизительно к около 1280 г. См.: *Кучкин В. А.* Московские Рюриковичи (демография и генеалогия). URL: <http://www.runivers.ru/vestnik/issues/8965/478786>. Скорее, 1281–1282 гг.
- 27 См.: ПСРЛ. Т. 25. С. 119.
- 28 См.: ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. М., 2000. Стб. 399. Летописцы XIV в. вообще не фиксируют присутствие на погребении женщин. Так, при описании похорон Ивана Калиты летописец, перечисляя «плачущих» князей, бояр, москвичей, духовенство и «всей земли Русской», ничего не пишет о его вдове и дочерях. См.: ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 52–53. Также не говорится о присутствии вдовы и дочерей на погребении Дмитрия Донского. Там же. Стб. 156.
- 29 См.: ПСРЛ. Т. 18. С. 89. Его нижегородское княжение устанавливается на основании копии памятного листа на его гробнице. См.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 210–211. Погребен Борис был во Владимире. См.: ПСРЛ. Т. 25. С. 166.
- 30 См.: ПСРЛ. Т. 3. Стб. 372.
- 31 Родословные ставят Афанасия на последнее место среди сыновей Даниила. См.: ПСРЛ. Т. 7. С. 237 ; ПСРЛ. Т. 15. С. 15.
- 32 См.: *Татищев В. Н.* История Российская : в 7 т. Т. 5. М. ; Л., 1965. С. 80.
- 33 См.: ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 396 ; *Седов Вл. В.* Раскопки в церкви Спаса на Нередице // Археологические открытия 2001 года. М., 2002. URL: <http://rusarch.ru/sedov9.htm>.
- 34 См.: ПСРЛ. Т. III, вып. II. СПб., 1879. С. 27, примеч. ; Там же. Т. 4. СПб., 1848. С. 50.
- 35 Кто бы ни был этот Святослав : Глебович или Ярославич (что маловероятно), по времени смерти их отцов : смоленского князя Глеба Ростиславича, умер 1277 г., или великого князя Ярослава Ярославича Тверского, умер 1271 г., он явно принадлежал к старшему поколению князей, в то же время Афанасий Данилович мог родиться не ранее 90-х гг. XIII в.
- 36 См.: ДДГ. С. 18, 19, 35, 72, 176, 198, 269, 349, 441, 455, 469.
- 37 См.: ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 19.
- 38 Там же. Т. 15. М., 1965. Стб. 15.
- 39 См.: Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе : собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся, изданная Николаем Новиковым, членом вольного Российского собрания при имп. Московском университете, издание 2-е, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологический по возможности приведенное (далее – ДРВ). Ч. 6. СПб., 1788. С. 440.
- 40 См.: *Baumgarten de N.* Des Branches Regnantes de Rurikides du XIII-e au XVI-e siècle // Orientalia Christiana. Roma, 1934. Т. 35-1. P. 74–75.
- 41 См.: *Puzyna J.* Narymunt Gedyminowicz. Miesiecznik heraldyczny. Rok IX. Warszawa, 1930. № . 3. S. 35–36.

- ⁴² См.: ПСРЛ. Т. 18. С. 81.
- ⁴³ Там же. Т. 24. М., 2000. С. 100.
- ⁴⁴ Там же. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 171.
- ⁴⁵ См.: Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. Т. IV. М., 1992. С. 104. Так как Ярослав Стародубский не известен по родословным, то предполагалось, что это княжеское имя одного из стародубских князей – Федора Ивановича. Однако в синодике Ярослав назван отдельно. См.: ДРВ. Ч. 6. С. 449. О существовании большего числа потомков Ивана Всеволодовича, о чем мы знаем, может говорить и тот факт, что в трех поколениях местной династии упоминаются в родословных только по одному представителю.
- ⁴⁶ Даниил родился в конце 1261 г. См.: ПСРЛ. Т. 7. М., 2001. С. 162.
- ⁴⁷ См.: Горский А. А. Москва и Орда. М., 2003. С. 70–72.
- ⁴⁸ См.: ПСРЛ. Т. 7. С. 243.
- ⁴⁹ Бездетная после смерти сына Ивана, погибшего на Куликовом поле, вдова белозерская княгиня Федосья передала крупные владения племяннику Дмитрию Донскому и его жене, но он так и не назвал княгиню теткой (1389 г.). См.: ДДГ. С. 35. Отец Дмитрия, в свою очередь, не хотел в своей духовной называть Федосью сестрой (1358 г.). Там же. С. 16. Возможно, по причине того, что она была рождена во втором браке Калиты с Ульяной. А вот родных братьев отца московские князья не стесняются называть дядями, даже одиозного в их глазах галицко-звенигородского князя Юрия Дмитриевича. Там же. С. 110, 113, 169, 179.
- ⁵⁰ См.: ПСРЛ. Т. 24. С. 107.
- ⁵¹ Часть летописей (например, Воскресенская (см.: ПСРЛ. Т. 7. С. 201), Львовская (Там же. Т. 20, ч. 1. СПб., 1910. С. 178), Типографская (Там же. Т. 24. С. 116), Московский летописный свод конца XV века (Там же. Т. 25. С. 168) утверждают, что Ивана Ярославича убили в Орде. Новгородская Первая обоих изводов (Там же. Т. 3. С. 341), Софийская Первая летопись старшего извода (Там же. Т. 6, вып. 1. Стб. 401), Ермолинская (Там же. Т. 23. М., 2004. С. 102) Никоновская (Там же. Т. 10. С. 194) связывает его смерть с нашествием татар на Русь в 1327 г. Рогожский летописец (Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 44) и Тверская летопись (Там же. Т. 15. Стб. 416), отделив известие о смерти Ивана Ярославича от татарского нашествия, тем не менее, соединили его с «заступлением» Москвы от ордынцев. Симеоновская летопись под отдельным заголовком просто сообщает о его убийстве (Там же. Т. 18. С. 90). Поздняя и компилятивная Никоновская летопись отдельно также сообщает о гибели в том же году некоего князя Василия Рязанского («Того же лета во Орде убиень бысть князь Василей Рязанский повелениемъ царя Азбьяка»), не известного другим летописям (орфография упрощена) (Там же. Т. 10. С. 194). Историки скептически относятся к его упоминанию и дружно не включают Василия в генеалогические таблицы. Или это ошибка сводчика, повторившего известие о гибели в Орде Василия Константиновича в 1308 г. той же летописи («Того же лета убиень бысть во Орде князь Василей Константинович Рязанский») (Там же. Т. 10. С. 176), что кажется весьма вероятным, учитывая сходство обоих сообщений. Нельзя совсем исключить, что это уникальное известие об еще одном представителе местной династии, уже традиционно ставшем жертвой татар. Он мог быть сыном или братом Ивана Ярославича. Его существование, встречающееся еще в рязанских рукописях, близких Никоновской летописи, возможно, почерпнутое из местных синодиков, допускал А. Г. Кузьмин. См.: Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. С. 199.
- ⁵² См.: Baumgarten de N. Op. cit. P. 74–75.
- ⁵³ См.: АСЭИ. Т. 3. М., 1964. С. 341.
- ⁵⁴ См.: ПСРЛ. Т. 7. М., 2001. С. 243 ; Там же. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 174–175.
- ⁵⁵ См.: Экземплярский А. В. Великие и удельные князья. Т. 2. С. 580.
- ⁵⁶ См.: Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. С. 139.
- ⁵⁷ См.: Петров С. А. Рязанская земля во второй половине XIII – начале XV в : отношения с Ордой и Москвой : дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.02 «Отечественная история». Белгород, 2011. С. 16.
- ⁵⁸ См.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 51–52.
- ⁵⁹ См.: ДДГ. С. 29, 53, 84–85, 143.
- ⁶⁰ См.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 71.

Образец для цитирования:

Абуков С. Н. К вопросу о происхождении тетки Семена Гордого княгини Анны // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 5–11. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-5-11.

Cite this article as:

Abukov S. N. On the Origin of Semyon the Proud's Aunt Princess Anne. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 5–11 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-5-11.